

10157

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП, 2020-2021 УЧЕБНЫЙ ГОД
8 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 90 минут
Максимальное количество набранных баллов: 35 баллов

Дайте комплексный анализ прозаического произведения, обращая внимание на его *тему и идею* *сюжет и композицию*, художественные образы и приемы их создания и др. особенности, значимые для выявления авторской позиции. Выскажите свои мысли и чувства по поводу центральной авторской идеи произведения. Выполните задание в форме *связного текста*, следите за *логичностью и ясностью* изложения собственных мыслей, а также за *речевой грамотностью*.

Николай Семенович ЛЕСКОВ

Дурачок

Кого надо считать дураком? Кажется, будто это всякий знает, а если начать сверять, как кто что понимает, то и выйдет, что все понимают о дураке неодинаково. По академическому словарю где каждое слово растолковано в его значении, изъяснено так, что «дурак -- слабоумный человек глупый, лишенный рассудка, безумный, шут...». В подкрепление такого толкования приведен словесный пример: «Он был и будет дурак дураком». «Дурачок — смягчение слова дурак». Ученые этого объяснения уже и искать нечего, а между тем в жизни случается встречать таких дураков или дурачков, которым эта кличка дана, но они, между тем, не безумны, не глупы и ничего шутовского из себя не представляют... Это люди любопытные, и про одного такого я здесь и расскажу.

Был у нас в деревне безродный крепостной мальчик Панька. Рос он при господском дворе ходил в том, что ему давали, а ел на застольщине вместе с коровницею и с ее детьми. Должность у него была такая, чтобы «всем помогать»; это значило, что все должностные люди в усадьбе имели право заставлять Паньку делать за них всякую работу, и он, бывало, беспрестанно работает. Как сейчас его помню: бывало, зимою, -- у нас зимы бывают лютые, -- когда мы встанем и подбежим к окнам, Панька уже везет на себе, изогнувшись, большие салазки с вязанками сена, соломы и с плетушками колоса и другого мелкого корма для скотины и птиц. Мы встаем, а он уже наработался и редко увидишь его, что он присядет в скотной избе и ест краюшку хлебца, а запивает водою из деревянного ковшика.

Спросишь его, бывало:

-- Что ты, Паня, один сухой хлеб жуешь?

А он шутя отвечает:

-- Как так «с ухой»? -- он, гляди-ко, с чистой водицею.

-- А ты бы еще чего-нибудь попросил: капустки, огурца или картошечки!

А Паня головой мотнет и отвечает:

-- Ну, вот еще чего!.. Я и так наелся, -- слава те Господи!

Подпояшется и опять на двор идет таскать то одно, то другое. Работа у него никогда не переводилась, потому что все его заставляли помогать себе. Он и конюшни, и хлева чистил, и скоту корм задавал, и овец на водопой гонял, а вечером, бывало, еще себе и другим лапти плетет, и пожился он, бывало, позже всех, а вставал раньше всех до света и одет был всегда очень плохо и жаредно. И его, бывало, никто и не жалеет, а все говорят:

-- Ему ведь ничего, -- он дурачок.

-- А чем же он дурачок?

-- Да всем...

-- А например?

-- Да что за пример! -- вон коровница-то все огурцы и картошки своим детям отдает, а он хоть бы что ему... и не просит у них, и на них не жалуется. Дурак!

Мы, дети, не могли хорошо в этом разобраться, и хоть глупостей от Паньки не слышали, и даже видели от него ласку, потому что он делал нам игрушечные мельницы и туесочки из бересты

-- однако и мы, как все в доме, одинаково говорили, что Панька дурачок, и никто против этого спорил, а скоро вышел такой случай, что об этом уже и нельзя стало спорить.

Был у нас нанят строгий-престрогий управитель, и любил он за всякую вину человека наказывать. Едет, бывало, на беговых дрожках и по всем сторонам смотрит: нет ли где какой неисправности? И если заметит что-нибудь в беспорядке -- сейчас же остановится, подзовет виноватого и приказывает:

-- Ступай сейчас в контору и скажи моим именем старосте, чтобы дали тебе двадцать пять розог; а если слукавишь -- я тебе вечером при себе велью вдвое дать.

Прощенья у него уж и не смели просить, потому что он этого терпеть не мог и еще прибавлял наказание.

Вот раз, летом, едет этот управляющий и видит, что в молодых хлебах жеребята ходят и не только зелени рвут, сколько ее топчут и копытами с корнями выколупывают...

Управитель и расшумелся.

А жеребят в этот год был приставлен стеречь мальчик Петруша, -- сын той самой Арины-соровницы, которая Паньке картошек жалела, а все своим детям отдавала. Петруша этот имел в ту пору лет двенадцать и был телом много

помельче Паньки и понежнее, за это его и дразнили «творожничком» -- словом, он был мальчик у матери избалованный и на работу слабый, а на расправу жидкий. Выгнал он жеребят ранцем утром «на росу», и стало его знобить, а он сел да укрылся свиткою, и как согрелся, то на него нашел сон -- он и заснул, а жеребятки в это время в хлеб и вошли.

Управитель, как увидел это, так сейчас стегнул Петю и говорит:

-- Пусть Панька пока и за своим, и за твоим делом посмотрит, а ты сейчас иди в разрядную контору и скажи выборному, чтобы он тебе двадцать розог дал; а если это до моего возвращения домой не исполнишь, то я при себе тогда тебе вдвое дам. Сказал это и уехал.

А Петруша так и залился слезами. Весь трясется, потому что никогда его еще розгами не наказывали, и говорит он Паньке:

-- Брат милый, Панюшка, очень страшно мне... скажи, как мне быть?

А Панька его по головке погладил и говорит:

-- И мне тоже страшно было... Что с этим делать-то... Христа били...

А Петруша еще горче плачет и говорит:

-- Боюсь я идти и боюсь не идти... Лучше я в воду кинуся. А Панька его уговаривал-уговаривал, а потом сказал:

-- Ну, стой же ты: оставайся здесь и смотри за моим и за своим делом, а я скорей сбегаю, за тебя постараюсь, -- авось тебя Бог помилует. Видишь, ты трус какой.

Петруша спрашивает:

-- А как же ты, Панюшка, постарайся?

-- Да уж я штуку выдумал -- постараюсь! И побежал Панька через поле к усадьбе резвенько, а через час назад идет, улыбается.

-- Не робей, -- говорит, -- Петька, все сделано; и не ходи никуда -- с тебя наказание избавлено.

Петька думает: «Все равно: надо верить ему», -- и не пошел; а вечером управляющий спрашивает у выборного в разрядной избе:

-- Что, пастушонок утром приходил сечься?

-- Как же, -- говорит, -- приходил, ваша милость.

-- Взбрызнули его?

-- Да, -- говорит, -- взбрызнули.

-- И хорошо?

-- Хорошо, постарались.

Дело и успокоилось, а потом узнали, что высекли-то пастушонка, да не того, которого было назначено, не Петра, а Паньку, и пошло это по усадьбе и по деревне, и все над Панькой смеялись, а Петю уже не стали сечь.

-- Что же, -- говорили, -- уже если дурак его выручил, нехорошо двух за одну вину разом наказывать.

Ну, не дурак ли, взаправду, наш Панька был?

И так он все и дальше жил.

Сделалась через несколько лет в Крыме война, и начали набирать рекрут. Плач по деревне: никому на войне страдать-то не хочется. Особенно матери о сыновьях убиваются -- всякой го сына жалко.

А Паньке в это время уже совершенные годы исполнились, и он вдруг приходит к помещику сам просится:

-- Велите, -- говорит, -- меня отвести в город -- в солдаты отдать.

-- Что же тебе за охота?

-- Да так, -- отвечает, -- очень мне вдруг охота пришла.

-- Да отчего? Ты обдумайся.

-- Нет, -- говорит, -- некогда думать-то.

-- Отчего некогда?

-- Да нешто не слышно вам, что вокруг плачут, а я ведь любимый у Господа, -- обо мне плакать некому, -- я и хочу идти.

Его отговаривали.

-- Посмотри-ка, мол, какой ты неуклюжий-то: над тобой на войне-то, пожалуй, все засхохочутся. А он отвечает:

-- То и радостней: хохотать-то ведь веселее, чем ссориться; если всем весело станет, так тогда все и замиряется. Еще раз сказали ему:

-- Утешай-ка лучше сам себя да живи дома! Но он на своем твердо стоял.

-- Нет, мне, -- говорит, -- это будет утешнее.

Его и утешили, -- отвезли в город и отдали в рекруты, а когда сдатчики возвратились, -- с любопытством их стали расспрашивать:

-- Ну, как наш дурак остался там? Не видали ли вы его после сдачи-то?

-- Как же, -- говорят, -- видели.

-- Небось, смеются все над ним, -- какой увалень?

-- Да, -- говорят, -- на самых первых порах-то было смеялись, да он на все на два рубля которые мы дали ему награждения, на базаре целые ночвы пирогов с горохом и с кашей купил и всем по одному роздал, а себя позабыл... Все стали головами качать и стали ломать ему по половинчке. А он застыдился и говорит:

-- Что вы, братцы, я ведь без хитрости! Кушайте. Рекрута его стали дружно похлопывать:

-- Какой, мол, ты ласковый!

А наутро он раньше всех в казарме встал, да все убрал и старым солдатам всем сапоги вычистил. Стали хвалить его, и старики у нас спрашивали: «Что он у вас дурачок, что ли?»

Сдатчики отвечали:

-- Не дурак, а... малость с роду так.

Так Панька и пошел служить со своим дурачеством и провел всю войну в «профосах» -- за всеми позади рвы копал да пакость закапывал, а как вышел в отставку, так, по привычке и растушеству, нанялся у степных татар конские табуны пасти.

Отправился он к татарам из Пензы и не бывал назад много лет, а скитался, гоняя коней, где-то вдаль, около безводных Рын-Песков, где тогда кочевал большой местный богач Хан-Джангар. А Хан-Джангар, когда приезжал на Суру лошадей продавать, то на тот час держал себя будто и покорно, но у себя в степи что хотел, то и делал; кого хотел -- казнил, кого хотел -- того миловал.

За отдаленностью дикой пустыни следить за ним было невозможно, и он как хотел, так и воевольничал. Но справлялся он так не один: находились и другие такие же самоуправцы, и в числе их появился один лихой вор, по имени Хабибула, и стал он угонять у Хана-Джангара многих лучших лошадей, и долго никак его не могли поймать. Но вот раз сделалась у одних и других татар свалка, и Хабибулу ранили и схватили. А время было такое, что Хан-Джангар спешил в Пензу, и ему никак нельзя было остановиться и сделать над Хабибулой суд и казнить его такою страшною казнью, чтобы навести страх и ужас на других воров.

Чтобы не опоздать в Пензу на ярмарку и не показаться с Хабибулой в таких местах, где русские власти есть, Хан-Джангар и решил оставить при малом и скудном источнике Паньку с одним конем и раненого Хабибулу, окованного в конских железках. И оставил им пшена и бурдюк воды и наказал Паньке настрого:

-- Береги этого человека как свою душу! Понял?

Панька говорит:

-- Чего ж не понять-то! Вполне понял, и как ты сказал, я так точно и сделаю.

Хан-Джангар со всей своей ордой и уехал, а Панька стал говорить Хабибуле:

-- Вот до чего тебя твое воровство довело! Такой ты большой молодец, а все твоё молодечество не к добру, а ко злу. Ты бы лучше исправился.

А Хабибула ему отвечает:

-- Если я до сих пор не исправился, так теперь уж и некогда.

-- Как это «некогда»! Только в том ведь и дело все, чтобы хорошо захотеть человеку исправиться, а остальное все само придет... В тебе ведь душа такая же, как и во всех людях: бродячье, а Бог тебе сейчас зачнет помогать делать хорошее, вот и пойдёт все хорошее.

А Хабибула слушает и вздыхает.

-- Нет, -- говорит, -- уже про это нехстати и думать теперь!

-- Да отчего же нехстати-то?

-- Да оттого, что я окован и смерти жду.

-- А я тебя возьму да и выпущу.

Хабибула ушам своим не поверил, а Панька ему улыбается ласково и говорит:

-- Я тебе не шучу, а правду говорю. Хан мне сказал, чтобы я тебя «как свою душу берег», а ведь знаешь ли, как надо сбережь душу-то? Надо, брат, ее не жалеть, а пусть ее за другого пострадает -- вот мне теперь это и надобно, потому что я терпеть не могу, когда других мучают. Я тебя раскую и на коня посажу и ступай, спасай себя, где надеешься, а если станешь опять зло творить -- ну, уж тогда не меня обманешь, а Господа.

И с этим присел и сломал на Хабибуле конские железные путы, и посадил его на коня, и сказал:

-- Ступай с миром на все стороны.

А сам остался ожидать здесь возвращения Хана-Джангара, -- и ждал его очень долго, пока ручеек высох и в бурдюке воды осталось очень немножечко.

Тогда и прибыл Хан-Джангар со своей свитой.

Осмотрелся Хан и спрашивает:

-- А где Хабибула?

Панька отвечает:

-- Я отпустил его.

-- Как отпустил? Что ты такое рассказываешь?

-- Я тебе говорю то, что взаправду сделал по твоему велению и по своему хотению. Ты мне велел беречь его как свою душу, а я свою душу так берегу, что желаю пустить ее помучиться за ближнего... Ты ведь хотел замучить Хабибулу, а я терпеть не могу, чтобы других мучили, -- вот возьми меня и вели меня вместо его мучить, -- пусть моя душа будет счастливая и от всех страхов свободная, потому что ведь я ни тебя, ни других никого не боюсь ни капельки.

Тут Хан-Джангар стал водить глазами во все стороны, а потом на голове тюбетейку поправил и говорит своим:

-- Подойдите-ка все поближе ко мне; я вам скажу, что мне кажется.

Татары вокруг Хана-Джангара стеснились. А он сказал им потихонечку:

-- А ведь Паньку, сдается, нельзя казнить, потому что в душе его, может быть, ангел был...

-- Да, -- отвечали татары все одним тихим голосом, -- нельзя нам ему вредить: мы его не тоняли за много лет, а теперь он в одно мгновение всем нам ясен стал: он ведь, может быть, праведный.

~~10157~~

12-0-2-4-1

195 10157

~~А между тем~~ В жизни случается встречать людей, которых называют дураками, но они между тем не бездушны, не глупы и ~~нет~~ ничего шуровского из себя не представляют. Это люди многоопытные. Так говорил автор произведения дурачок. Мне очень запомнилась эта фраза.

В рассказе говорится крепостного мальчика Паныку, который ~~жи~~^{жил} на помещичьем дворе и всем помогал. Автор очень хорошо объясняет все трудности жизни Паныки, о том как ел он только лишь сухой хлеб и заливал водой, работал больше всех и всегда заступался за слабого.

Так он жил до совершеннолетия и когда началась война все матери в деревне шатались и не хотели отпускать сыновей на войну. Но Паныка вызвался одним из первых. На войне он всегда помогал другим солдатам, был охотой и убирал в казарме. "Не дурак, а малость сроду так", - говорили солдаты про Паныку.

После войны он отправился к татарам, работать на местного богача. И когда богач хотел казнить одного вора, Паныка посоветовал, что каждый человек имеет шанс умереть. Это был очень мудрый и благодушный поступок с его стороны поэтому как не стал казнить его, а сказал: "А ведь Паныку, судится, нельзя казнить, потому что в душе его, может быть, ангел был.."